

УДК 7.03

DOI: 10.37953/2079-0341-2025-3-1-469-477

**ИСТОРИЯ ЯСОНА И МЕДЕИ:
ПРОЧТЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ
ПОЗДНЕГО КВАТРОЧЕНТО НА
ПРИМЕРЕ КАРТИН-СПАЛЬЕР ПО
ЗАКАЗУ ЛОРЕНЦО ТОРНАБУОНИ**

Елена В. Матвеева*Независимый исследователь, Москва, Россия,**lena.salvatore19@gmail.com**Аннотация*

Статья посвящена феномену переосмысления мифологического сюжета о Ясоне и Медее в контексте матримониальных ценностей флорентийского общества позднего Кватроченто. На примере спальер, выполненных мастерами круга Доменико Гирландайо для украшения комнаты Лоренцо Торнабуони, рассматриваются метаморфозы образов античного мифа, интерпретированных в духе куртуазных идей, а также анализируются основные источники, оказавшие влияние на их трактовку.

Ключевые слова: Кватроченто, Лоренцо Торнабуони, Флоренция, картина-спальера, Ясон, Медея, Доменико Гирландайо

Для цитирования: Матвеева Е.В. История Ясона и Медеи: прочтение в контексте культуры позднего Кватроченто на примере картин-спальер Лоренцо Торнабуони // *Academia*. 2025. №3. С. 469–477. DOI: 10.37953/2079-0341-2025-3-1-469-477

**THE STORY OF JASON AND MEDEA:
INTERPRETATION IN THE CONTEXT
OF LATE QUATTROCENTO CULTURE THROUGH
THE EXAMPLE OF SPALLIERE PANELS
COMMISSIONED BY LORENZO TORNABUONI**

Elena V. Matveeva*Independent Researcher, Moscow, Russia,**lena.salvatore19@gmail.com**Abstract*

The article deals with the phenomenon of the interpretation of the mythological story of Jason and Medea in the context of the matrimonial values of Florentine society in the late Quattrocento. The author uses spalliere made by masters of Domenico Ghirlandaio's circle for the room of Lorenzo Tornabuoni as an example for the metamorphosis of ancient mythological images and interprets it in the spirit of courtesan ideas analyzing the main sources that influenced this interpretation.

Keywords: Quattrocento, Lorenzo Tornabuoni, Florence, spalliere panels, Jason, Medea, Domenico Ghirlandaio

For citation: Matveeva, E. V. (2025), "The story of Jason and Medea: interpretation in the context of Late Quattrocento culture through the example of spalliere panels commissioned by Lorenzo Tornabuoni", *Academia*, 2025, no 3, pp. 469–477. DOI: 10.37953/2079-0341-2025-3-1-469-477

Домашняя обстановка зажиточных и просвещенных флорентийцев Кватроченто — неисчерпаемая тема для научных исследований. Уникальные в своем роде предметы, характерные исключительно для итальянского быта, могут рассказать о важных ритуалах и обычаях, а выбор сцен и сюжетов, использующихся для декорации жилых комнат, интерпретированных в духе гуманистической мысли, подчас довольно оригинально говорит о нематериальных ценностях, имевших первостепенное значение для итальянца Кватроченто.

Кассоне, дески да парто (подносы для роженицы), картины-спальеры — распостраненные объекты интерьера, которые встречались почти в каждом доме уважающего себя зажиточного флорентийца. Важнейшими событиями считались свадьба и рождение ребенка, по случаю которых, как правило, заказывались произведения искусства, сюжет которых носил поучительный характер [Christiansen, Pore-Hennessy 1980, p. 64].

Выбор сюжета порой заставляет нас задуматься, каков был замысел заказчика. Если триумфы Любви или Славы (ил. 1), свадебные шествия, история ветхозаветной Сусанны или «Великодушие Сципиона» отсылают нас к идее счастливого брака и супружеского благочестия [Пивень 2018, с. 256], то такой сюжет, как история Ясона и Медеи кажется несколько странным выбором для украшения свадебного сундука или комнаты новобрачных. Тем не менее, он встречается довольно часто.

Одним из самых масштабных ярких и блестяще исполненных примеров использования подобного сюжета в декорации комнаты новобрачных можно считать серию из трех картин-спальер, выполненных в мастерской Доменико Гирландайо для украшения комнаты Лоренцо Торнаубони.

Считается, что сам термин «спальера» — *spalliera* (мн. ч. *spalliere*), восходит к итальянскому слову *spalla* (плечо, спина)¹. Декоративные элементы, называемые

Ил. 1. Скеджа. Триумф Славы (деско да парто). Около 1449. Дерево, темпера, серебро, позолота. Музей Метрополитен, Нью-Йорк.

¹ Bayer A. Painting of Love and Marriage in the Italian Renaissance // Heilbrunn Timeline of Art History. New York: The Metropolitan Museum of Art, 2000–2008. URL: https://www.metmuseum.org/toah/hd/marr/hd_marr.html (дата обращения: 15.08.2025).

спальерами, использовались в качестве спинок скамей, кушеток, кроватей, деревянных панелей для обшивки стен.

Изучение документов, описывающих расположение картин в комнате, и визуальный анализ их композиций показал, что эти работы часто располагали выше уровня глаз. Вполне возможно, что зрителю необходимо было поднять голову, чтобы взглянуть на повествовательный цикл, украшавший верхние части стен².

Комната Лоренцо в новом палаццо Торнабуони, наполненная произведениями искусства, была самой нарядной и поражающей своим великолепием. Об этом свидетельствует и то, что даже чиновник, занимавшийся ведением инвентарной описи имущества Торнабуони, описал ее как «прекрасную», что нехарактерно для такого рода официальных документов [Sman 2010, p. 221]. К счастью, чудесным образом, все произведения искусства, украшавшие комнату юного Лоренцо, дошли до нас, пусть и рассеянными по музеям и частным коллекциям. Недавние исследования подтвердили, что декоративный ансамбль включал тондо «Поклонение волхвов» кисти самого Доменико Гирландайо, три спальеры на интересующий нас сюжет о Ясоне и Медее, о которых пойдет речь далее, две панели с эпизодами «Осады Трои» и две небольшие вертикальные панели с изображением Венеры и Аполлона.

Живописные произведения, по всей видимости, были выполнены в 1487 году, спустя год после свадьбы Лоренцо и Джованны дель Альбицци, во всяком случае, такая дата указана на тондо Гирландайо и на панели, изображающей Ясона и аргонавтов.

Гирландайо на тот момент был одним из самых успешных художников Флоренции, а Торнабуони находились на пике своего могущества и богатства. В условиях негласного соревнования между просвещенными флорентийскими фамилиями, видевшими в произведениях искусства отражение своего высокого положения, неудивительно, что Торнабуони обратились к Гирландайо, который позднее будет расписывать для них семейную капеллу в церкви Санта-Мария-Новелла, на которую претендовали также и Сассетти. Последним, однако, пришлось довольствоваться капеллой в церкви Санта-Тринита, которую также расписывал Гирландайо.

Помимо самого Гирландайо в создании ансамбля принимали участие еще три мастера его круга: Бартоломео ди Джованни, Бьяджо д'Антонио и Пьетро дель Донцелло [Campbell 2007, pp. 1–19]. Как правило, выбор сюжетов для декорации комнаты был самый тщательный, в расчет принимался как статус заказчика, так и назначение комнаты, в которой размещалась работы. В случае с убранством комнаты Лоренцо, недавно связавшего себя брачными узами с представительницей другого не менее значительного флорентийского семейства, основными темами, которые следовало отразить в ансамбле, стали любовь Лоренцо к Джованне, верность Джованны, идеалы рыцарства, высокое положение Торнабуони и их связи с Медичи, находившимися в зените своей славы, и поиски духовного совершенства. Почему же для того, чтобы отразить идеалы супружеской любви и верности был избран наименее подходящий для этого сюжет о Ясоне и колхидской волшебнице?

Сын царя Иолка Ясон все свое детство провел на горе Пелион и в двадцатилетнем возрасте возвратился в родной город с намерением вернуть отцу власть, узурпированную его братом Пелием. Пелий же отправляет героя в опасное плавание в далекую и дикую Колхиду за легендарным золотым руном — миссию, заведомо неосуществимую. Однако на стороне Ясона были великие герои, среди которых Геракл, Тесей, Кастор и Полидевк — сыновья Леды и братья Елены Прекрасной, певец Орфей и многие другие. Искусный мастер Арг выстроил для них корабль «Арго», на котором под покровительством Геры и Афины герои не без приключений, но благополучно достигают Колхиды.

² Ibid

Колхидой правил царь Эет. За золотое руно он назначил Ясону невыполнимое задание: запрячь царских огнедышащих быков в плуг, распахать на нем поле бога войны Ареса, засеять его зубами дракона и перебить закованных в броню ратников, которые вырастут из этих зубов. Выполнить это задание было практически невозможно, но Гера и Афина склонили на свою сторону Афродиту, чтобы та внушила Медее, дочери Эета, любовь к Ясону. Именно при помощи Медеи и ее волшебных чар Ясону удалось справиться с заданием, однако Эет, подозревая неладное, все равно отказался отдавать руно и тогда Медея и Ясон бегут из Колхиды, похитив золотое руно. Когда корабли Эета стали достигать «Арго», Медея убила своего младшего брата Аспирта, изрубив на куски его тело и выбросив в море, так что флот Эета отстал, пока отец собирал останки сына (по другой версии, Аспир возглавлял погоню, Медея заманила его на переговоры и затем убила). Довольно странный выбор героини, призванной олицетворять кротость и добродетели примерной жены.

После возвращения «Арго» в Иолк справедливость восторжествовала и, казалось, на этом история могла бы закончиться, и выглядела бы, несмотря на некоторые кровавые подробности, довольно благополучной, но далее следует леденящая душу развязка, которая никаким образом не вяжется с представлениями о супружеском счастье.

Есть несколько вариантов дальнейшего развития событий, но согласно наиболее распространенному, Ясон пожелал оставить Медею и жениться на Главке, дочери Креонта, царя Коринфа. Медея послала сопернице подарок — роскошный пеплос, который оказался заколдован и сразу вспыхнул, как только девушка его надела, она погибла, а вместе с ней и отец, пытавшийся ее спасти. Медея также убила двоих сыновей, родившихся в браке с Ясоном, и умчалась на крылатой колеснице, посланной за ней Гелиосом.

Подобную развязку вряд ли можно назвать вдохновляющим примером для молодой пары, почему же тогда выбор был сделан в пользу именно такого сюжета?

Миф о Ясоне и Медее существовал в Греции в различных вариациях, как это бывало со многими мифами в III веке до н. э. Аполлоний Родосский написал свою знаменитую «Аргонавтику», которая стала наиболее подробным рассказом о походе за золотым руном и сыграла важную роль в развитии литературной традиции на эту тему. Эта поэма считается единственным дошедшим до нас эпическим произведением эллинистической эпохи. Римляне очень высоко оценивали это произведение; Публий Теренций Варрон перевел его, Вергилий и особенно Валерий Флакк ему подражали. История Ясона и Медеи передавалась из поколения в поколение, мифические герои обрели свое место в средневековой придворной культуре.

В Средние века в странствиях «Арго» видели прообраз Крестовых походов, а золотое руно становится символом Иерусалима. Мифы о Ясоне начали играть важную роль в политической идеологии всего христианского мира. Филипп Добрый в 1430 году учредил рыцарский Орден Золотого руна, избрав Ясона его патроном. Тот же Филипп Добрый заказал Раулю Лефевру «Историю Ясона» (ок. 1460). Эта книга представляет собой рыцарский роман, написанный на основе греческих мифов [Cannella 2015, pp. 191–202].

Таким образом, налицо явная романтизация образов: финальная часть истории и ее трагический финал словно сознательно игнорируются, а история обрывается на счастливом моменте возвращения в Фессалию.

С классическим текстом истории о Медее и Ясоне флорентийцы, несомненно, были знакомы. Многочисленные флорентийские гуманисты, включая Полициано, тщательно изучили «Аргонавтику». В 1496 году во Флоренции вышло первое печатное издание поэмы Аполлония Родосского. В курс обучения самого Лоренцо Торнабуони входил цикл лекций, который читал гуманист Бартоломео Фонцио, посвященный двум самым ранним известным текстам о Ясоне и Медее. Это были как раз «Аргонавтика» Аполлония Родосского и одноименная

Ил.2. Пьетро дель Донцелло. Отплытие Аргонавтов из Иолка.1487. Дерево, темпера, позолота. Частная коллекция.

эпическая поэма Валерия Флакка, представлявшая, по сути, пересказ поэмы Аполлония на латинском языке. Оба текста были заново открыты флорентийскими гуманистами ранее в XV веке.

Уже в гравюрах флорентийского художника Баччо Бальдини XV века Ясон и Медея изображены как представители придворной элиты, которые развлекают себя музыкой и танцами, что, соответственно, роднило их с представителями знатных флорентийских домов [Campbell 2007, pp. 1–19].

Другие важные аспекты, которые выделяли в этой истории заказчики — прославление идеалов рыцарства и успех морской экспедиции. Ван дер Сман [Sman, 2010] видит здесь отсылку к семье Джованни дельи Альбицци, чей дед долгое время командовал флорентийским флотом и в 1404 году даже участвовал в походе на Святую Землю — «Арго» украшен флагами и штандартами Торнабуони и Альбицци. Кроме того, в самой фамилии Торнабуони (фамилия представляет собой комбинацию итальянских слов *tornare* — возвращаться и *buono* — хороший) словно заложена идея счастливого возвращения.

Цикл открывается наименее известным из мастеров, чье имя долгое время оставалось неустановленным. Сейчас известно, что это Пьетро дель Донцелло: Ясон, почтительно преклонивший колено, получает благословение своего дяди Пелия, прежде чем отправиться в Колхиду (ил. 2), вокруг него столпились герои. Художник виртуозно выписал их обмундирование, хотя надо отметить, оно не имело ничего общего с Древней Грецией, в экзотических нарядах и головных уборах отразилось очарование Востоком, а головной убор Пелия — типично византийский. Это неудивительно — после падения Византии 29 мая 1453 года поток византийских ученых и интеллектуалов хлынул в Европу, неся свою культуру и знания. Кроме того, проходивший во Флоренции в 1439–1442 годах Ферраро-Флорентийский собор также оставил свой след в искусстве — среди ярчайших примеров следует отметить капеллу волхвов в палаццо Медичи-Риккарди.

Вторая панель была написана Бартоломео ди Джованни (ил. 3). Он также долгое время был известен лишь как *Alunno di Domenico*, пока его не идентифицировал Бернард Беренсон. Бартоломео ди Джованни много работал с Гирландайо.

Бартоломео ди Джованни следует успешивному восприятию, распространенному в Средневековье, тогда как Пьетро дель Донцелло обратился к центральной перспективе. Как пишет Б.Р. Виппер, успешивный метод упорно продолжал воздействовать на воображение живописцев даже и в тот период, когда уже были полностью выработаны новые приемы симультанного единства

Ил.3. Бартоломео ди Джованни. Банкет в Колхиде. 1487. Дерево, темпера, позолота. Частная коллекция.

[Вишпер 2015, с. 368]. В течение почти всего XV века, а в некоторых случаях и еще позднее, сукцессивный рассказ продолжает существовать рядом с центральной перспективой, например, фрески Боттичелли в Сикстинской капелле, фрески Беноццо Гоццолли, посвященные жизни Блаженного Августина и т. д. Фигура Ясона в композиции Бартоломео повторяется семь раз. Мы легко распознаем «подвиги» Ясона: он укрощает огнедышащих быков, вспахивает поле, сеет зубы дракона и сражается с вооруженными воинами, выросшими на поле. Сцена нежной встречи Ясона и Медеи у храма Гекаты изображена слева, в арке — похищение Ясоном золотого руна, после того как магия Медеи усыпила дракона. Центральную часть композиции занимает банкет. Несмотря на то, что Медея на нем не присутствует, он ассоциируется со свадебным пиршеством, группа музыкантов позади стола — дань флорентийской традиции. Возможно, это намек на роскошный свадебный банкет, устроенный по случаю бракосочетания Лоренцо и Джованны.

Тем не менее, Бартоломео гораздо более успешно удалось передать дух греко-римской античности: архитектура вполне соответствует, кроме того, он в точности следовал тексту «Аргонавтики».

Последняя панель была написана Бьянцо д'Антонио (ил. 4). Это «помолвка» Ясона и Медеи. Однако если следовать тексту Аполлония, эта панель должна была быть второй, поскольку, согласно тексту «Аргонавтики», клятва Ясона Медее имела место быть перед похищением золотого руна. Ясон и Медея изображены в храме Аполлона, группа людей вокруг — свидетели клятвы. Светловолосый юноша, которого мы встречаем по левую и по правую стороны панели — брат Медеи Апсирт, которого ждет незавидная судьба.

Глядя на все эти три панели, мы снова приходим к мысли, что оригинальное повествование словно было подвергнуто определенного рода цензуре. История Ясона и Медеи разворачивается и обрывается, не дойдя до трагического финала. Из античных источников, известных флорентийцам, ни один не заканчивается на столь радостной ноте: поэма Валерия Флакка осталась незавершенной и обрывается на моменте, когда Ясон готовится убить брата Медеи, «Аргонавтика» Аполлония же представляет собой полное и последовательное повествование, сюжет которого вкратце был пересказан выше.

История Ясона и Медеи была доступна флорентийцам еще из нескольких античных источников. Это «Метаморфозы» Овидия и его же «Героиды». В «Метаморфозах» Овидий с сочувствием к Медее повествует о ее любви и отчаянии,

Ил. 4. Бьяджо д'Антонио. Клятва Ясона и Медеи. 1487. Дерево, темпера, позолота. Музей декоративного искусства, Париж.

а в «Героидах», представляющих собой сборник стихотворных посланий, написанных от лица выдающихся женских персонажей, мифических или реально существовавших, своим возлюбленным, Медея, вызывает сочувствие, тогда как поступок Ясона — негодование и порицание, усугубляемые тем, что в сборнике присутствует еще одно письмо от покинутой им возлюбленной — царицы Лемноса Гипсифилы [Phiphia 2018, pp. 313–324].

Выдающиеся флорентийские литераторы также обращались к этой истории, но, скорее, под влиянием Овидия, нежели классической «Аргонавтики». Так, Данте в «Божественной комедии» помещает Ясона в восьмой круг, где томятся обманщики, а Боккаччо в своей поэме «Любовное видение»³ явно сочувствует Медее.

Все перечисленные нами источники сильно расходятся с тем впечатлением, которое производят панели Торнабуони, представляющие собой счастливое повествование, в котором герой, волшебным образом преодолев все трудности, приобретает в награду любовь прекрасной дамы, что наводит на мысли о куртуазной средневековой литературе.

Действительно в Средневековье легенда о Ясоне и Медее была значительным образом переработана: Ясон представлялся образцом куртуазных добродетелей. Возвращаясь к учрежденному Филиппом Добрым Орденом Золотого руна, патроном которого был избран Ясон, несмотря на недовольство духовенства подобной кандидатурой патрона и последующую его замену ветхозаветным героем Гидеоном, образ Ясона не оставлял умы бургундской знати. В замке Филиппа Бургундского в Эдене была комната, украшенная картинами из истории Ясона. Реабилитации героя также способствовала «История Ясона» Рауля Лефевра, также упомянутая выше. В своей книге Лефевр предпринимает попытку восстановить честь Ясона, делая его образцом рыцарских добродетелей, честным и непоколебимым. Согласно Лефевру, после всех многочисленных смертей (Пелия, Главки, Креонта и сыновей Ясона), Ясон и Медея воссоединяются и правят своим царством в мире и согласии, родив прекрасных детей. «История Ясона» Лефевра оказала большое влияние на европейскую культуру, стала одной из первых печатных книг и была переведена на английский и голландский.

Следует также отметить, что в вышеупомянутый Орден не входил ни один из знатных флорентийцев. Единственный из итальянских князей, принятый в него — король Неаполя Ферранте, а Лоренцо Торнабуони многое связывало с неаполитанскими делами банка Медичи [Де Рувей 2023].

Таким образом, можно заключить, что в серии спальер Лоренцо Торнабуони нашли отражение две основные системы культурных ценностей Флоренции

³ Boccaccio G. *Amorosa Visione*. Ed. critica di V. Branca, Sansoni, Firenze, 1994.

Ил.5. Якопо дель Селлайо. Панель кассоне с историей Аргонавтов. Около 1465. Дерево, темпера, позолота. Музей Метрополитен. Нью-Йорк.

XV века: поклонение Античности и куртуазные идеи позднего Средневековья. Античная, по сути своей, история была органично переработана в духе куртуазных идеалов. При подробном и более осмысленном рассмотрении это считывается и в визуальном языке картин-спальер: несмотря на вполне убедительный антураж *all'antica*, костюмы героев далеки от античных и соответствуют моде XV века: легкие развевающиеся платья, подобные наряду Медеи встречаем в других многочисленных памятниках второй половины XV столетия, короткие дублеты и шоссы, в которые одеты юноши, также явно далеки от образцов античной моды. Подобное сочетание ничуть не смущало заказчиков, скорее было призвано отражать их интересы: греко-римская классика, обязательная для просвещенной элиты, а также не менее обязательный для аристократии аспект — рыцарство.

Кроме того, в действительности, ренессансная традиция часто обрывает трагические любовные истории на счастливой ноте: так, история Дидоны на кассоне Аполлоньо ди Джованни заканчивается любовной сценой. Многие художественные произведения XV века, заказанные по случаю свадеб, довольно своеобразно интерпретируют известные сюжеты в позитивном ключе, чтобы акцентировать внимание на счастье в любви и счастливом браке.

Спальеры из комнаты Лоренцо не единственный пример использования подобного сюжета: до нас дошли панели кассоне Бьяджо д'Антонио и Якопо дель Селлайо (ил. 5), кассоне Джустиниани, над которыми трудились несколько различных мастеров, содержащие сцены на сюжеты истории Аргонавтов. Таким образом, картины-спальеры Торнабуони не являются единственными в своем роде, но являют собой интересный случай переработки классического сюжета для декорации предмета обстановки, посвященного новобрачным.

На основании изученных материалов можно сделать еще один вывод: подобные предметы создавались не для того, чтобы продемонстрировать доскональное знание классической литературы заказчиком, художником или составителем программы. Им отводилась своя особая функция в доме молодоженов — развлекать членов семейства и привилегированных гостей, подчеркивать высокий статус главы семейства, а также служить примером для подражания. Повествовательные источники, использовавшиеся для создания таких произведений, были тщательно отредактированы и приведены в соответствие с флорентийскими матримониальными ценностями.

Литература

1. Виппер 2015 – Виппер Б.Р. Введение в историческое изучение искусства. М.: Издательство В. Шевчук, 2015. 368 с.
2. Пивень 2018 – Пивень М.Г. Античные образы в декоративной живописи Кватроченто. Герои, триумфы, любовь и метаморфозы. Екатеринбург: БукМАрт, 2018. 256 с.
3. Де Рувер 2023 – Де Рувер Р. Возвышение и упадок Банка Медичи. Столетняя история наиболее влиятельной в Европе династии банкиров. М.: Центрполиграф, 2023. 510 с.
4. Campbell 2007 – Campbell C. Lorenzo Tornabuoni's *History of Jason and Medea* Series. Chivalry and Classicism in 1480s Florence // *Renaissance Studies*. V. 21. no 1. 2007. P. 1–19.
5. Cannella 2015 – Cannella F. The Heroes of the Fabulous History and the Inventions Ennobled by Them: The Myth of the Argonauts between Visual Sources and Literary Inventio // *Music in Art*. 2015. V. 40. no 1–2. P. 191–202.
6. Christiansen, Pope-Hennessy 1980 – Christiansen K., Pope-Hennessy J. Secular Painting in 15th-Century Tuscany: Birth Trays, Cassone Panels, and Portraits // *The Metropolitan Museum of Art Bulletin*. 1980. V. 38. no 1. 64 p.
7. Phiphia 2018 – Phiphia N. Medea's Visual Metamorphoses in Medieval age and during Renaissance // *Medea in World Artistic culture*. 2018. P. 313–324.
8. Sman 2010 – Sman G.J. van der, Lorenzo and Giovanna. Timeless Art and Fleeting Lives in Renaissance Florence, Mandragora, 2010, p. 221.

References

1. Vipper, B.R. (2015), *Vvedenie v istoricheskoe izuchenie iskusstva* [Introduction to the Historical Study of Art], Izdatelstvo V. Shevchuk, Moscow, Russia.
2. Piven, M.G. (2018), *Antichnye obrazy v dekorativnoi zhivopisi kvatrochento. Gerои, triumfy, lyubov i metamorfozy* [Antique images in decorative painting of the Quattrocento. Heroes, triumphs, love and metamorphoses], BukMArt, Moscow, Russia.
3. De Ruver, R. (2023), *Vozvyshenie i upadok Banka Medici. Stoletnaya istoriya naibolee vliyatelnoi v Evrope dinastii bankirov* [The Rise and Fall of the Medici Bank: A Century-Long History of Europe's Most Influential Banking Dynasty], Tsentrpoligraf, Moscow, Russia.
4. Campbell, C. (2007), "Lorenzo Tornabuoni's *History of Jason and Medea* Series. Chivalry and Classicism in 1480s Florence", *Renaissance Studies*, V. 21, no 1, pp. 1–19.
5. Cannella, F. (2015), "The Heroes of the Fabulous History and the Inventions Ennobled by Them: The Myth of the Argonauts between Visual Sources and Literary Inventio", *Music in Art*, V. 40, no. 1–2, pp. 191–202.
6. Christiansen, K., Pope-Hennessy, J. (1980), "Secular Painting in 15th-Century Tuscany: Birth Trays, Cassone Panels, and Portraits", *The Metropolitan Museum of Art Bulletin*, V. 38, no. 1.
7. Phiphia, N. (2018) *Medea's Visual Metamorphoses in Medieval age and during Renaissance, Medea in World Artistic culture*, pp. 313–324.
8. Sman, G.J. van der (2010), *Lorenzo and Giovanna. Timeless Art and Fleeting Lives in Renaissance Florence*, Mandragora, Firenze, Italia.

Информация об авторе

Елена В. Матвеева, независимый исследователь, Москва, Россия;
lena.salvatore19@gmail.com

Author info

Elena V. Matveeva, independent researcher, Moscow, Russia; lena.salvatore19@gmail.com